

УДК 93 (282.247-34) «633»

**К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛЧЬЕГО ГРОТА –
ПЕРВОЙ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ,
ОТКРЫТОЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ**

© 2018 г.

А.В. Черкасов

Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, Севастополь

lakets2006@meta.ua

Поступила в редакцию 11.09.2018

Исследуется история изучения первого мустьерского памятника, открытого на территории России в 1879 году, – Волчий грот (Крымский регион). Выделены основные особенности и характеристики периодов исследования: первый – пропедевтический (последняя треть XIX века), второй – основной, практико-теоретический (первая половина XX века), третий – завершающий, теоретико-практический (60-е годы XX века). Особая роль отводится персоналиям исследователей комплекса – К.С. Мережковскому, О.Н. Бадеру и Н.О. Бадеру. Отмечено научное значение первобытного памятника, состоящее в его первоочередности среди палеолитических памятников России, а также многослойности, явившейся основой для разработки периодизации крымского мустье и уточнения культурно-стратиграфической шкалы всего крымского палеолита.

Ключевые слова: первобытная археология, историография изучения каменного века, палеолит Крыма, первобытная стоянка, археологический памятник, эпоха мустье, персоналия ученого, история археологии.

Крым на протяжении XIX–XX веков оставался (и остается) уникальной научной лабораторией передового опыта в области исследования вопросов древнейшей истории России, внедрения новых методик раскопок и фиксации первобытных памятников, примером комплексного подхода в обработке и анализе найденного материала, а также оперативного введения в научный оборот ценных фактов по проблемам антропогенеза и раннего социогенеза. Подтверждением этого является расположение на полуострове первой среднепалеолитической стоянки, открытой на территории России и Восточной Европы, – Волчьего грота (Барю-Тешик) в 12 км к востоку от Симферополя в скале известняка над долиной реки Бештерек.

Предлагаемая публикация посвящена истории и историографии изучения указанного эталонного памятника в контексте трех содержательных персонафицированных этапов:

- первый – пропедевтический (последняя треть XIX века), связанный с научными поисками К.С. Мережковского;

- второй – основной, практико-теоретический (первая половина XX века) – комплексное изучение памятника академическими экспедициями под руководством Г.А. Бонч-Осмоловского, Н.Л. Эрнста, О.Н. Бадера и других;

- третий – завершающий, теоретико-практический (60-е годы XX века) – подведение итогов археологического исследования стоянки Н.О. Бадером.

Как памятник первобытной истории, Волчий грот был открыт в 1879 году в ходе индивидуальных исследований слушателя естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Константина Сергеевича Мережковского (1855–1921). Ученый собрал небольшую коллекцию кремневых изделий, систематизировал остеологические материалы, выделив в списке палеофауны стоянки такие виды, как благородный олень, косуля, сайга, дикая лошадь, мамонт, барсук. Свои выводы и предположения К.С. Мережковский обобщил на страницах «Отчета о предварительных исследованиях каменного века в Крыму», изданного в 1880 году. При этом автор не только предоставил детальное описание памятника, но и прямым образом способствовал оптимизации методических приемов первобытной археологии. В частности, на примере Волчьего грота К.С. Мережковский предложил последователь-

Рис. Волчий грот

ный алгоритм описания первобытных памятников, расположенных в горных навесах и гротах, включающий следующие компоненты:

- геология и происхождение пещеры (*карстование или обрушение*);
- параметры и физико-географические характеристики памятника (*сухая или влажная пещера, с широким или узким входом*);
- стратиграфическая информация с характеристикой найденных артефактов и органического материала (остеологических остатков), с выводами относительно индустрии и хозяйственной деятельности первобытного человека, проживавшего на территории памятника, по культурным слоям;
- обобщающие положения (*список культурных слоёв, периодизация обитания первобытного человека на стоянке, общее количество и классификация найденных в процессе исследования каменных орудий*);
- характеристика и иллюстрирование собранной коллекции [1, с. 10–11].

Кроме того, К.С. Мережковским были внесены собственные эмпирические коррективы к хрестоматийной «Программе» археолога Г.Е. Щуровского по вопросам исследования пещерных стоянок. К примеру, если Г.Е. Щуровский рекомендовал точную фиксацию находок с помощью разбивки исследуемой площади памятника на квадратную сетку, то К.С. Мережковский обосновывал принцип проведения раскопок меньшими квадратами послойно, оставляя между ними узкие контрольные перемычки [2, с. 12].

Также по результатам изучения Волчьего грота ученым было сформулировано предположение о возможности установления абсолютного возраста пещерных отложений путем измерения осыпавшегося со свода щебня, накопленного в верхнем слое. Другими словами, отложенного за весь исторический период.

Считая целесообразной организацию дальнейшего изучения первобытной истории полуострова, отмечая значение Крыма для отечественной истории в целом, К.С. Мережковский указывал: «Невзирая на то, что раскопки стоят достаточно дорого, их надо непременно осуществлять; я убежден, что результаты, бесспорно, вознаграждают за весь труд и расходы с этой деятельностью» [1, с. 15].

К сожалению, скромный археологический материал, собранный в Волчьем гроте (и, в связи с этим, давший ученому основание считать стоянку лишь временным убежищем палеоантропа), со временем был утерян. Остался неопубликованным план памятника и схемы его раскопок. Много позднее, в 1920-х годах, отече-

ственным археологом С.Н. Замятниным были обнаружены несколько таблиц, подготовленных К.С. Мережковским для монографии по первобытной истории Крыма.

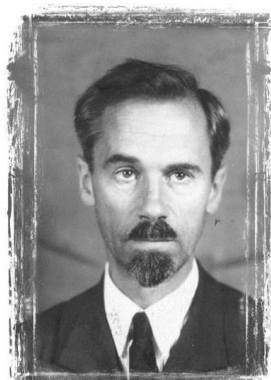
Таким образом, мустьерская датировка стоянки происходила преимущественно по двум типичным кремневым орудиям, найденным в гроте в 1879–1880 годах. Первое представляло собой небольшое ручное рубило с двусторонней обработкой, второе – являлось ручным остроконечником, изготовленным из плоского кремневого отщепя. Датировка Волчьего грота была подтверждена антропологом, создателем классификации каменного века Г. де Мортилье. В монографии «Prehistorique» (Paris, 1900), переизданной на русском языке под названием: «Доисторическая жизнь: Происхождение и древность человека» (М., СПб., 1903), ученый не только опубликовал одно из найденных К.С. Мережковским кремневых орудий, но и отметил то, что Волчий грот можно считать первым мустьерским памятником Восточной Европы [3, с. 16].

Интерес к первобытной стоянке, активизированный уже в советское время, ознаменовал второй этап в истории её изучения. В 1924 году экспедиция под руководством Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943) и Николая Львовича Эрнста (1889–1956) провела повторные раскопки памятника. Незначительные и невыразительные кремни, обнаруженные в процессе исследования, стали основанием для определения Волчьего грота как полноценно изученного памятника региона. Вместе с тем, с одной стороны, статус Волчьего грота в истории отечественного палеолитоведения и отсутствие опубликованных материалов, характеризующих условия его стратиграфии, – с другой, способствовали тому, что в 1937 году сотрудником Крымской палеоантропологической экспедиции Борисом Ивановичем Татариновым (1913–1941) было осуществлено дополнительное обследование стоянки со съемкой ее плана и детальной фотофиксацией. Выявленные археологом значительные размеры грота актуализировали необходимость продолжения его изучения.

В 1938–1940 годах сотрудники Крымской экспедиции Института антропологии МГУ под руководством Отто Николаевича Бадера (1903–1977) и при участии работников Центрального музея Крымской АССР произвели контрольные раскопки Волчьего грота и прилегающей к нему территории. Результаты исследований были проанализированы и обобщены в серии публикаций, вышедших в период 1939–1941 годов в периодических изданиях «Вестник древней истории», «Советская археология», «Краткие со-

К.С. Мережковский

О.Н. Бадер

Н.О. Бадер

общения Института истории материальной культуры» и других под авторством О.Н. Бадера. На этот раз было установлено, что Волчий грот по природным и климатическим условиям не являлся местом постоянного пребывания первобытного человека (как это считал К.С. Мережковский). Таким локусом была обширная скалистая впадина перед входом в грот, заполненная культурными отложениями мощностью до 1.75 метра и включающая как образцы кремневой индустрии, так и костные остатки [4, с. 260]. Исследование остеологических материалов позволило О.Н. Бадеру уточнить список фауны, опубликованный в конце XIX века, добавив к известному перечню пещерную гиену, пещерного медведя, носорога, волка, песца, суслика, росомаху. Кроме этого, ученый объективно указал на начало охотничьей специализации обитателей Волчьего грота (обнаружение значительного количества остатков дикой лошади). Был найден также засыпанный камнями вход в другой, ранее не замеченный исследователями грот (в процессе дальнейших раскопок оказавшийся нишей). Благоприятные условия расположения последнего, хорошо защищенного, обращенного входом к югу, с наличием аналогичного палеолитического слоя на площадке, обосновывали предположение О.Н. Бадера о присутствии в полости культурных остатков мустьерского времени. Это было подтверждено в процессе дальнейших раскопок. Таким образом, новые исследования, произведенные на площадке перед Волчьим гротом, позволили считать комплекс уже не только первым мустьерским памятником на территории СССР, но и крупнейшим мустьерским местонахождением на данном историческом этапе [4, с. 262].

В процессе исследований О.Н. Бадером был актуализирован вопрос о периодизации и культурной принадлежности стоянки. Комплексный анализ кремневой индустрии и остеологических остатков стали основанием отнесения памятника к микокской индустрии, переходной между

поздне-ашельской и мустьерской (около 130–70 тысяч лет до н.э.). Среди первобытных стоянок Крыма, хронологически и культурно подобных Волчьему гроту, О.Н. Бадером были названы Чокурча, Аджикоба (на основании данных Г.А. Бонч-Осмоловского) и верхний слой грота Киик-Коба. В дальнейшем, разрабатывая периодизацию крымского мустья, к поздним мустьерским стоянкам Крыма О.Н. Бадер отнес Шайтан-Кобу и Чагарак-Кобу. Основаниями указанной хронологической локализации явились следующие маркеры:

- состав фауны, не представленный арктическими видами, но и не позволяющий отнести ее представителей к теплему доорисскому времени;
- превалирование мустьерских форм орудий и мустьерской техники их изготовления;
- развитая техника обработки кости и наличие в инвентаре костяных орудий [4, с. 263].

В перспективе археолог указывал на целесообразность проведения детализированных исследований открытой у Волчьего грота площадки с целью уточнения как конкретных вопросов датировки палеолитических стоянок Крыма, в том числе возраста неандертальца, обнаруженного Г.А. Бонч-Осмоловским в 1924 году в гроте Киик-Коба, так и для изучения общей картины первобытного прошлого всего Крымского региона.

В 1939 году по поручению и на средства Института антропологии МГУ исследования мустьерской стоянки были продолжены. На этот раз О.Н. Бадер тщательно изучил всю площадь грота до его скального основания, вновь подтвердив предположение, что жизнь первобытного человека протекала не под навесом, а на площадке перед ним. Изучение последней привело к новому археологическому открытию: обнаружению искусственно созданной конструкции. Так, естественный каменный вал, протянувшийся параллельно скалистой стене площадки и защищающий ее от речной долины, по мнению О.Н. Бадера, в свое время мог быть увеличен путем нагромождения

дения камней на его гребень, а сама площадка закрыта несложным сооружением-заслоном из древесных ветвей, в том числе навесом в центральной ее части [5, с. 91]. По мнению ученого, в этом месте обитатели Волчьего грота (скорее всего, небольшая группа людей), исходя из значительного количества кремневых осколков, и занимались изготовлением орудий.

Важным итогом экспедиционных работ 1939–1940 годов стало также установление полной стратиграфии памятника. На внутреннем участке, то есть в жилище, были выявлены скопления костей животных, преимущественно мамонта, особенно значительные в шестом слое, а также следы очагов в виде костного и древесного угля. Изучение основного мустьерского (седьмого) слоя позволило предположить наличие «мастерской» по обработке кремня, локализованной по скоплениям кремневых орудий и осколков. В верхнем слое, который О.Н. Бадер датировал поздним палеолитом, встречались единичные кремни. Наиболее богат находками был основной мустьерский слой. Особо археологом были выделены артефакты из верхних «горизонтов» восьмого слоя, которые отличались архаическим обликом и крупными размерами. Во всех трех слоях памятника преобладающими оказались кости мамонта, сайги – в среднем слое, ослы – в нижнем и верхнем слое, пещерной гиены – в верхнем.

Таким образом, в контексте второго этапа изучения Волчьего грота был не только получен важный информационный материал, но и сформулированы объективные аргументированные выводы по вопросам его стратиграфии и датировки. Если К.С. Мережковский, а в дальнейшем Габриэль и Андриан Мортилье, а также П.А. Ефименко в работе «Первобытное общество» (Л., 1938) относили памятник к эпохе мустье, а Г.А. Бонч-Осмоловский в труде «Итоги изучения крымского палеолита» (М., 1934) датировал его ашелем, то О.Н. Бадер по результатам полевых исследований и на основании установленной картины отложений доказал правильность позиции К.С. Мережковского. В итоге Волчий грот был датирован началом эпохи мустье [6, с. 199–200]. О такой хронологии свидетельствовала также техника раскалывания кремня, демонстрирующая преемственность между культурой мустье и культурой верхнего палеолита. Кроме того, по мнению О.Н. Бадера, ашельскую датировку не подтверждали геоморфологические данные, указывающие на то, что в ашеле пещеры Волчий грот не существовало [7, с. 96].

Резюмируя итоги проведенных полевых исследований, О.Н. Бадер акцентировал внимание на том, что многослойный палеолитический па-

мятник – Волчий грот следует рассматривать как особый вариант мустьерской культуры [8, с. 302], актуализируя необходимость раскопок на прилегающих к гроту территориях новых, еще нетронутых площадей. Предположения археолога были подтверждены в ходе обнаружения на левом берегу р. Бештерек, в непосредственной близости к Волчьему гроту, крупного скребловидного орудия, датированного эпохой развитого мустье [9, с. 166]. Таким образом, мнение О.Н. Бадера о том, что в изучении отечественных памятников мустьерской культуры Крымский полуостров и на новом этапе продолжает играть определяющую роль, соответствовало объективным реалиям и задачам отечественной первобытной археологии.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. прервала полевые исследования в стране, в том числе и на территории Крыма. Лишь спустя почти 30 лет сын О.Н. Бадера – Николай Оттович Бадер (1935–2015) завершил детализированные раскопки Волчьего грота [10]. В 1968 году на площадке перед памятником вновь был заложен раскоп, произведен ряд зондажей на периферии с дальнейшей, уже итоговой, консервацией [3, с. 17]. На этот раз позднепалеолитический слой обнаружен не был. В верхних ярусах культурных отложений было найдено несколько тонких ножевидных пластинок. Гораздо больше материала снова дал более ранний, мустьерский слой. В числе находок – бивни, конечности, зубы, ребра и челюсти мамонтов, а также десятки орудий – небольших остроконечников и скребел. Количественные и качественные данные в целом подтвердили выводы раскопок 1939–1940-х годов.

Обобщая итоги почти столетнего (в общем хронологическом объеме) изучения Волчьего грота, Н.О. Бадер указал на главное, по его мнению, научное значение стоянки: четкую многослойность, являющуюся определяющим фактором разработки периодизации крымского мустье и уточнения культурно-стратиграфической шкалы крымского палеолита.

Таким образом, на примере выделения и характеристики этапов историографического изучения крымской палеолитической стоянки – Волчий грот, можно конкретизировать количественно-качественные этапы исследования первобытных стоянок: от непосредственной локализации, сбора и систематизации археологических коллекций, конкретизации ключевых дискуссионных вопросов стратиграфии, датировки и культурной принадлежности до обобщающей интерпретации накопленных данных и формирования целостной научной картины генезиса памятника первобытной истории региона.

Примечания

РГО – Русское географическое общество.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

Список литературы

1. Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. СПб., 1880. 43 с.
2. Щуровский Г.Е. Программа для исследования костеносных пещер // Известия РГО за 1879 г. 1880. № 15. С. 3–13.
3. Бадер О.Н., Бадер Н.О. Волчий грот, некоторые результаты его изучения. Исследование палеолита в Крыму (1879–1979): Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю.Г. Колосов. К.: Наукова думка, 1979. С. 15–27.

4. Бадер О.Н. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 258–264.

5. Бадер О.Н. Исследование мустьерской стоянки у Волчьего грота // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 90–96.

6. Бадер О.Н. О мустьерской стоянке у Волчьего грота // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 198–200.

7. Бадер О.Н. Изучение эппалеолита Крымской Яйлы (Московский НИИ антропологии) // Советская археология. 1940. № 5. С. 93–99.

8. Бадер О.Н. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии в 1936 году // Советская археология. 1940. № 5. С. 301–302.

9. Бадер О.Н. Мустьерское местонахождение у дер. Мазанка в Крыму // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 165–166.

10. Черкасов О.В. Печерні стоянки Криму та їхні дослідники (кінець XIX – перша половина XX століття): Наукове видання. Севастополь, КФ ФДБОУ ВПО «Державний морський університет імені адмірала Ф.Ф. Ушакова». 2013. 137 с., іл.

**ON THE STUDIES OF THE VOLCHIIY GROTT PRIMEVAL SITE – THE FIRST MOUSTERIAN MONUMENT
DISCOVERED IN THE TERRITORY OF RUSSIA**

A.V. Cherkasov

This publication is devoted to the history and historiography of the study of the first Mousterian monument discovered in Russia in 1879, the Volchiiy Grot (the Crimean region). The main features and characteristics of the research periods are highlighted: the first one – propaedeutic (the last third of the 19th century), the second one – the main, practical-theoretical period (the first half of the 20th century), and the third one – the final, theoretical and practical period (1960s). A special focus is on the personalia of K.S. Merezkovsky, O.N. Bader and N.O. Bader, and on the contribution of these scientists to the research of this problem. The scientific significance of the primitive monument is noted. It consists in its first position among the studies of the Paleolithic monuments of Russia and in its being a multi-layer monument, which is a determining factor for the development of the Crimean Moustier periodization and the refinement of the cultural-stratigraphic scale of the entire Crimean Paleolithic.

Keywords: primitive archaeology, historiography of the Stone Age study, Paleolithic of the Crimea, primeval site, archaeological monument, Moustier epoch, scientist's personalia, history of archaeology.

References

1. Merezkovskij K.S. Otchet o predvaritel'nyh issledovaniyah kamennogo veka v Krymu. SPb., 1880. 43 s.

2. Shchurovskij G.E. Programma dlya issledovaniya kostenosnyh peshcher // Izvestiya RGO za 1879 g. 1880. № 15. S. 3–13.

3. Bader O.N., Bader N.O. Volchij grot, nekotorye rezul'taty ego izucheniya. Issledovanie paleolita v Krymu (1879–1979): Sb. nauchnyh trudov / Otв. red. Yu.G. Kolosov. K.: Naukova dumka, 1979. S. 15–27.

4. Bader O.N. Krupnejshaya must'erskaya stoyanka u Volch'ego grotа v Krymu // Vestnik drevnej istorii. 1939. № 1. S. 258–264.

5. Bader O.N. Issledovanie must'erskoj stoyanki u Volch'ego grotа // KSIIMK. 1940. Vyp. 8. S. 90–96.

6. Bader O.N. O must'erskoj stoyanke u Volch'ego grotа // Vestnik drevnej istorii. 1940. № 2. S. 198–200.

7. Bader O.N. Izuchenie ehppaleolita Krymskoj Yajly (Moskovskij NIИ antropologii) // Sovetskaya arheologiya. 1940. № 5. S. 93–99.

8. Bader O.N. Rezul'taty rabot Krymskoj paleoliticheskoj ehkspedicii Moskovskogo instituta antropologii v 1936 godu // Sovetskaya arheologiya. 1940. № 5. S. 301–302.

9. Bader O.N. Must'erskoe mestonahozhdenie u der. Mazanka v Krymu // KSIIMK. 1951. Vyp. 36. S. 165–166.

10. Cherkasov O.V. Pecherni stoyanki Krimu ta ihni doslidniki (kinec' XIX – persha polovina XX stolittya): Naukove vidannya. Sevastopol', KF FDBOU VPO «Derzhavnij mors'kij universitet imeni admirala F.F. Ushakova». 2013. 137 s., il.